

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*Небо
с овчинку*

ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Небо с овчинку

«Научная книга»

Серова М. С.

Небо с овчинку / М. С. Серова — «Научная книга», — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Вот так попала частный сыщик Таня Иванова! Одновременно у нее два дела, и неизвестно, какое из них труднее: во-первых, она получила заказ на поиск пропавшей девушки. И, во-вторых, ей на время подкинули воспитанника – нахального десятилетнего мальчишку, который тут же возомнил себя юным помощником детектива и теперь сует свой нос куда не надо! Но и оставлять его одного нельзя, слишком уж ребенок резв, а потому Татьяне приходится брать его «на дело», где не обходится без стрельбы, погонь и драк... А все потому, что изначально Татьяна пошла по неверному следу. Но теперь уж она обязана выпутаться, чтобы в глазах ребенка не померкла ее слава великой сыщицы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Небо с овчинку

Глава 1

Если бы еще вчера кто-нибудь спросил меня, как я отношусь к нашей продвинутой и сверхсовременной молодежи, я бы, наверное, задумалась, не имея реального опыта в общении с ней. Но зато сегодня я твердо и уверенно могу сказать, что предпочла бы держаться от нее, от этой самой молодежи, как можно дальше.

С чего вдруг так сразу? А вот с того: от чрезмерного общения с представителями данной группы населения. Нет, не подумайте, что я, частный детектив Татьяна Иванова, пошла работать воспитателем в детский садик или же педагогом в одну из тарасовских школ – ничего подобного. Просто...

Хотя нет, очень даже и не просто. Не далее как пару недель назад кое-что произошло. Моя подруга Ленка-француженка, та самая, что в детях души не чает, а потому и работает за гроши в задрипанной школе Трубногo района учителем, подбросила мне на время своего сводного братца – оболтуса десяти лет.

– Танюша, мне тут по благу путевочку в один клевый и очень дорогой санаторий достали, не последишь за ребенком? – обратилась она ко мне, заявившись в гости ни свет ни заря. – Мои все кто куда разъехались и не скоро будут, а его деть некуда, одного же не оставишь.

Когда же Ленка увидела выражение моего лица, молчаливо говорящее все, что я относительно ее идеи думаю, она моментально прикинулась самой несчастной женщиной на земле и стала жаловаться. Жаловалась на зарплату, не позволяющую ей как следует отдохнуть; на работу, которой она в общем-то довольна, да только из-за нее почти не имеет свободного времени на личную жизнь. А личная жизнь у нее, хорошей, давно уже находилась на нуле – ни постоянного любовника, ни даже временного ухажера. А тут такая удача: и тебе заслуженный отдых, и возможность найти того единственного, что предназначен ей, можно сказать, с самого рождения.

Вот этим она мне на нервы и капала, а я-то, дура, сначала слушала ее, раскрыв рот, а потом взяла и согласилась. Ну, для себя я, конечно, прикинула, что парень вроде бы не грудной, особой опеки не требует, всего-то и надо, что накормить его. К тому же, наблюдая за молодежью со стороны, я подумала, что он целыми днями будет носиться по дружкам и подружкам и видеть его я практически не буду – следовательно, согласие на просьбу старой подруги лично мне ничем не грозит.

Но, боже мой, как же я ошибалась! Жаль, что поняла это лишь сегодня, увидев «золотого» мальчонку, как отзывалась о нем его сестричка, когда Ленка привела братишку ко мне. Тогда-то мне и стало ясно: тишины и покоя не будет, даже не мечтай. Потому что парень, оказавшись в моей квартире, сразу же повел себя так, будто хозяин тут он, а не я.

– Ну и дыра, – ни много ни мало, усмехнувшись, заявил он, переступив через порог моего жилища. Затем бесцеремонно прошел в зал, снял со стены кинжал – подарок Гарика Папазяна, повертел его в руках, потом вернул на место и равнодушно спросил: – Где тут моя комната? Надеюсь, хоть в ней нет всего этого хлама.

В ответ я смогла только глупо пожать плечами и покоситься на довольную Ленку. Ей-то что, через час она укатит в свой санаторий, а мне тут развлекаться с ее детонькой.

– Что, для меня нет отдельной комнаты? – сам все понял парнишка, внимательно оглядевшись. – Блин, ну я и попал! Хуже не придумаешь.

Он стоял в центре комнаты, по-блатному засунув большие пальцы рук за ремень своих новомодных джинсовых брюк, и смотрел на нас с Ленкой как бы свысока. По его взгляду я и поняла, что в роли подчиняющегося этот малый себя даже не представляет. Он привык получать все, что желает, – результат сестриного воспитания, она у нас любительница баловать детей. Но я-то к этой группе никак не отношусь и совершенно не намерена терпеть пренебрежение ко мне и моим вещам в собственной квартире.

Приняв решение сразу же отказать Ленке, несмотря на нашу с ней давнюю дружбу, я решительно повернулась в ее сторону и тут же услышала:

– Скажи, ведь правда, он душка? Ты даже еще не представляешь, насколько это талантливый мальчик, настоящий кладезь новых идей и фантазий. Вдвоем вам будет веселее. К тому же, я надеюсь, – уже тише добавила Ленка, – что после общения с ним ты наконец задумаешься о том, не заняться ли тебе самой созданием полноценной семьи, с такими же вот детишками.

Нет, Ленка, несомненно, была хорошим педагогом и психологом, иначе бы ей ни за что не удалось так быстро сломить мое сопротивление и даже умудриться не услышать от меня ни единого слова протеста или восклицания. Я и очнуться не успела, как она укатила на вокзал, оставив меня наедине со зверенышем, почему-то называемым ребенком. Вот с этого момента и начались мои беды.

Талантливый мальчуган, пока я провожала его сестрицу, умудрился разобрать мой старый, но очень удобный фотоаппарат. Когда же я, вернувшись в комнату, застучала его за этим занятием, кладезь идей без всякой боязни заявил:

– Не думал, что ты коллекционируешь такую рухлядь. Ленка говорила, ты частный детектив, но я пока что-то не нашел у тебя ни одного шпионского прибамбука, одни только детские игрушки, – он указал на сваленные в кучу приборы, которыми я обычно пользуюсь во время расследований. А, ты, наверное, их хранишь где-нибудь в тайнике, чтобы никто не нашел, – сделал он собственный вывод, даже не дожидаясь от меня ответа или пояснения. – Кстати, могу кое-что из этого мусора соорудить более полезное. Как тебе такая мысль?

«Ну уж нет, с меня хватит! Чтобы какой-то сопляк выводил из строя мои рабочие инструменты – не позволю».

– Ты... послушай-ка меня, – уперев руки в бока, строго начала я.

– Костян, – перебил меня мальчишка.

– Что? – не сразу поняла я.

– Меня так зовут друзья. Костян, то есть Костя, можно Константин. Мы ведь еще, кажется, незнакомы. Ну, так что ты там хотела сказать?

«Невероятно, – невольно изумилась я. – И откуда только в таком юном возрасте берется столько наглости? Как, вот скажите, с такими детьми можно нормально разговаривать? Они же тебя ни в грош не ставят».

Совершенно растерявшись от подобного ко мне обращения со стороны почти что ребенка, я даже забыла, что только что планировала произнести, и на пару минут застыла в молчании. Мне и самой не верилось, что это я, Татьяна Иванова, не терявшая над собой контроль во время общения с преступниками, бандитами и убийцами, могу так легко расклеиться перед сопляком. Но факт оставался фактом. Ситуация была для меня совершенно новой, и я понятия не имела, что в подобных случаях следует делать. Тем более что с педагогикой я совершенно не дружна, детей видела разве что по телевизору или из окна своей квартиры бегающими во дворе. А тут нате вам – живой и наглый. Делай с ним что хочешь!

– Знаешь что, мальчик, – снова начала я, решив сразу, раз и навсегда, расставить все точки над «и» и показать, кто тут есть кто.

– Константин, – вновь поправил меня паренек, даже не подняв при этом головы от начатого разбойного дела – он продолжал разбирать фотоаппарат на мелкие детали.

– Константин так Константин, – окончательно разозлилась я. – Значит, вот что, Константин! Я согласилась принять тебя у себя только из-за твоей сестры. Но я совершенно не собираюсь терпеть тут твои выходки. Это мой дом...

– Ты, наверное, хотела сказать – квартира, – вновь сумничал мой гость.

– Не перебивай меня, – еле сдерживала уже себя я, а парнишка лишь нагло усмехался, наблюдая за моей реакцией на его поведение. Ему все это, похоже, очень нравилось. – Еще раз повторяю, здесь командую я, а потому не смей брать мои вещи без разрешения и разбирать их на запчасти, – вырвав из его рук корпус фотоаппарата, почти прокричала я. – Иначе прицеплю тебя наручниками к батарее и оставлю так до возвращения сестры.

Затем я резко развернулась и покинула комнату. Оказавшись в кухне, я долго не могла снять с себя раздражение, вызываемое одним только видом паренька, а потому выпила почти три чашки очень крепкого кофе и выкурила несколько сигарет. Это немного успокоило меня, и я снова начала мыслить как нормальный человек.

«И что это я так разнервничалась? – стала укорять себя я. – Ничего страшного пока не случилось. Ну, подумаешь, разобрал мальчик фотоаппарат, так ведь он и в самом деле был очень старым и его пора было заменить. – Я вздохнула и тут же сама себе возразила: – Старый-то старый, но очень привычный и родной. Эх, жаль камеру, но теперь ничего не поделаешь, придется все же купить новую».

Затем мои мысли переключились на «подброшенного» мне мальчишку, и я принялась думать, что мне с ним делать целый месяц. В минуту месяц мне показался невероятно длинным и почти нескончаемым обрезком времени. Смогу ли я его пережить? Ну, конечно же, смогу, что тут такого. Вот немного привыкну к своему квартиранту, и все станет на место. Кстати, интересно, чем сейчас занимается наше «чудо»? Что-то уж больно тихо оно себя ведет.

От мысли, что ничего хорошего мальчишке в голову прийти не могло, меня передернуло, и я поспешила в зал, провести проверку. Но лучше бы я сделала это полчаса назад, а не сейчас, так как к моему появлению уже не камера, а видеоманитофон подвергся личному досмотру юного техника. Мальчишка, склонившись, стоял над его содержимым и соединял между собой какие-то проводки.

– Ты что делаешь? – почти закричала я.

– Ремонтирую. А что, не видно? – спокойно откликнулся малолетний Кулибин. – Я и не думал, что у тебя тут все так запущено, видак же еле показывает. Вот, пытаюсь его немного привести в божеский вид.

– Да ты же его раскурочил весь, – застыв над видеоманитофоном в нелепой позе, расстроено вздохнула я. – Ты...

– Не горячись, – успокоил меня Костик. – Я подобную древность еще в детском садике разбирал, раз плюнуть. Вот увидишь, сейчас будет показывать, как новенький.

Я жала кулаки и зло закричала зубами, планируя навешать пареньку хороших тумачков, но тут позвонили в дверь.

– Даю тебе две минуты, чтобы ты вернул все запчасти на место и оставил манитофон в покое! – рявкнула я, направляясь к двери.

Интересно, кого там еще принесло? Хватит с меня уже гостей на сегодня.

Оказавшись у двери, я не стала распахивать ее настежь сразу же, а сначала посмотрела в дверной «глазок», дабы удостовериться, что это не те гости, про которых говорят, что лучше бы они не появлялись. Так я делала довольно редко, лишь когда у меня полностью отсутствовало желание с кем бы то ни было общаться. Чаще же просто распахивала дверь не задумываясь, а уже потом решала, что с этим посетителем делать.

На лестничной площадке неуверенно мялся какой-то совершенно незнакомый мне парень. И хотя в «глазок» рассмотреть его лицо было сложно, от меня все же не ускользнуло, что он был примерно моего возраста и довольно приятной наружности.

«Кто бы это мог быть? – спросила я сама себя. Но потом, немного подумав, решила: – Зачем гадать, когда можно все узнать, открыв дверь. Хуже, чем есть, уже не будет».

Ототкнув задвижку на двери, я толкнула ее наружу и вопросительно уставилась на побеспокоившего меня гражданина.

– Хм... Вы Татьяна Александровна Иванова? – смущенно кашлянув, спросил посетитель при виде меня.

– Ну, я, – небрежно бросила я в ответ. – А что вы хотели?

– Я к вам относительно работы. То есть, как бы это правильно сказать... – замялся гость.

– Ну, как-нибудь уж скажите, – снова буркнула я, прислонившись к косяку.

– Я... в общем, пришел, чтобы... у меня есть дело и... – зачастил парень, так и не договорив ни одной фразы до конца.

Я же, давно поняв, что его ко мне привело, распахнула дверь еще шире, сама отошла в сторону и командным тоном произнесла:

– Входите.

Нерешительность заказчиков мне никогда не нравилась. А потому я всячески начинала подталкивать их, язвить, заставляя становиться более активными в разговоре и не мямлить, словно неуч у доски. Впрочем, что я об этом говорю, вы и без того знаете, что свое прозвище Ведьма я оправдываю вполне. И самое интересное, что подобное поведение сходит мне с рук, потому как чаще всего я бываю нужна заказчикам куда больше, чем они мне. Убийства и прочие безобразия в нашем городе совершались всегда, и меньше их вряд ли станет. А значит, без работы частные детективы не останутся, будь они даже все как один грубиянами.

После того, как только что прибывший потенциальный заказчик оказался в моей квартире и даже успел заметить, что у меня гости, я указала ему в сторону кухни и добавила:

– Пройдемте туда, там и поговорим.

Мужчина кивнул, поняв, что в присутствии мальчика, успевшего уже выглянуть из комнаты несколько раз, говорить будет не совсем удобно, и сразу же прошел, куда было указано. Оказавшись в кухне, мы сели друг напротив друга, и я приготовилась слушать. Но, так как мой гость пока еще собирался с мыслями, я принялась его рассматривать.

Парень и в самом деле был примерно моего возраста, то бишь лет двадцати семи – двадцати восьми. Характер его я бы определила как слабый и безвольный. Такой более свойствен для женщины, но никак не для ее защитника. При более пристальном осмотре мягкость характера читалась даже по чертам лица: они были излишне плавными и какими-то детскими. Немного пухлые щечки с легким румянцем, маленькие голубые глаза под густыми бровями, пухловатые губы и светлые волосы – все заставляло думать, что природа немного ошиблась, сделав этого человека мужчиной, а не женщиной. Но теперь уж ничего не поправишь.

– Как я уже сказал, – наконец-то неуверенно начал гость, еще более теряясь под моим внимательным и изучающим взглядом, – я пришел для того, чтобы попросить вас выполнить одну работу. Вы ведь частный детектив?

Я молча кивнула.

– Я хотел попросить вас, чтобы вы... Ну, как бы это сказать...

– Вы не представились, – перебила я его сумбурные речи, информативность и смысл которых до сих пор не изменились. Впрочем, если он, то бишь смысл, в них вообще изначально был.

– Ах да, – осекся парень и сразу загорелся розовой краской, прямо как девица. – Максим Леонидович Мурашев.

– Если я правильно вас поняла, Максим Леонидович, то у вас случилась какая-то беда и вы нуждаетесь в моей помощи? – взяв инициативу по ведению разговора в свои руки, начала я.

Посетитель кивнул.

– У меня исчезла девушка. То есть не моя девушка, а... Мы с ней не встречались, но я...

В этот момент я заметила, что в кухню просочился мой временный квартирант, который, наглым образом пристроившись у двери, приготовился слушать, о чем пойдет речь. Допускать зрителей до разговора с Мурашевым я совершенно не собиралась, уже давно придерживаясь правила: все сказанное клиентом сугубо конфиденциально и разглашению не подлежит. Поэтому, понимая, что нормального человеческого языка парень не понимает, я сдвинула брови и немного угрожающим голосом произнесла:

– А тебя кто сюда звал? Ну-ка, марш в комнату.

– А что я там не видел? – не двинувшись с места, бросил Константин. – Видак твой я уже собрал, работает, как новенький. Или, может, еще что подремонтировать?

– Я тебе подремонтирую, юный техник, – пригрозила я ему пальцем. – Включи себе телевизор, и чтоб духу твоего не видно и не слышно было. Ясно?

– Слушаюсь, мамочка, – язвительно усмехнулся Константин, но все же послушался и вышел из кухни.

Я облегченно вздохнула и повернулась к клиенту, который тоже оторвал взгляд от двери и, повернувшись ко мне, спросил:

– Это ваш сын?

– Боже упаси, – отмахнулась я. А потом сразу же возвратилась к прерванному разговору. Беседа на темы моей личной жизни с посторонними меня совершенно не прельщала. – Вы что-то, кажется, говорили о девушке, – первым делом напомнила я. – Так что там с ней произошло? Ее убили? Похитили?

– Точно не знаю, не уверен, но... Мне кажется, то есть не только мне, – снова став взволнованным, замямлил клиент. – Дело в том, что она пропала, причем давно. Вот я и подумал, ну потому, что она жила с тем типом, что, может быть...

Сказать честно, мой сегодняшний визитер начинал меня раздражать. Так и подмывало съязвить: «Ты мужчина или не мужчина, в конце концов! Скажи все коротко и ясно или иди к мамочке и поплачься ей в жилетку, может, легче станет». Но я заставила себя сдержаться и набралась терпения, чтобы дослушать Мурашева до конца.

Оказалось, что месяц назад пропала девушка, в которую он давно уже был влюблен. Сама же возлюбленная подобными чувствами к этому слизняку не пылала, что и понятно. У нее даже был парень, с которым эта особа вместе жила. Причем, куда девчонка исчезла, никому не известно. Квартира ее заперта, на работе она не появлялась, а кавалер почему-то скрывается. Сей же влюбленный мямля утверждал, что с девушкой наверняка что-то случилось и он даже догадывается, что именно.

– Я не совсем понимаю, что вы хотите сказать, – выслушав невнятный рассказ гостя относительно столь для него дорогой пропажи, сказала я. – Если вы знаете, что с ней случилось, зачем тогда пришли ко мне?

– Не то чтобы знаю, просто у меня такое предчувствие, – по-прежнему не говоря ничего конкретного, произнес Максим.

– Так, стоп, – остановила я парня. – Начнем с самого начала. Пропала девушка. Никто не знает, где она. Вы хотите ее найти? Так?

– Да, очень хочу, – подтвердил мои слова Максим.

– Вы догадываетесь, что с ней могло что-то случиться? Так?

Снова кивок.

– В таком случае говорите, я слушаю.

– Я думаю, что ее мог убить ее же парень, – глухим голосом произнес Максим и, сразу опустив глаза, стал нервно теребить руками край своей рубашки на уровне пуговиц.

– Почему вы так решили? – поинтересовалась я.

– Просто... ну, потому, что он какой-то ненормальный. Вроде как шизофреник.

– В чем это выражается?

– Ну, не знаю, – снова заволновался Максим. – Просто нужно видеть, как он одевается, как ведет себя... Настоящий бомж! А какие у него рисунки, какие он стихи пишет – это же ужас какой-то! В них сплошной разврат и кровь, безголовые люди, трупы, мерзость. Он явно сдвинутый и ненормальный. Для таких, как этот тип, ничего не стоит убить человека, – безостановочно затараторил парень, как будто плотину прорвало. – Он наверняка с ней что-то сделал, потому и скрывается сейчас. Я его искал, но безрезультатно.

– Так, может, они вдвоем куда-то уехали, никого не предупредив, вот и все, – предположила я, постепенно начиная терять интерес к данному делу.

– Нет, исключено, – возразил мне Мурашев. – Я видел несколько раз этого типа в городе, просто догнать не успел, он был один. Ясно, что он скрывается.

– А почему вы не обратились в милицию? – задала я следующий вопрос. – Для вас это стало бы дешевле... Ведь частные детективы берут не дешево, моя ставка, например, – двести долларов в день.

– Я знаю, – закивал головой Максим. – Только в милиции я уже был, ну и... Они сказали, что ищут. А друзья мне говорят, что они могут искать годами и это ничего не даст. Вот я и пришел к вам. А деньги... они у меня есть, – Максим извлек из кармана бумажник и стал его открывать, дабы продемонстрировать мне, что он не врет.

«Ну хоть и на том спасибо», – съязвил мой внутренний голосок, пока я наблюдала за тем, как парень дрожащими руками пытается отстегнуть на нем застёжку. Я, правда, сразу же свой противный голосок уgomонила, заметив ему: «Какой бы ни был клиент, его нужно уважать».

Тут я, пожалуй, немного загнула, но все же внутренняя пикировка заставила мой язвительный ум переключиться на саму проблему, а не на то, что ей предшествует.

– Так, значит, вы думаете, что с вашей девушкой... Кстати, как ее имя?

– Ольга Алексеевна Туркина, – быстро ответил Максим.

– Что с Ольгой что-то случилось? – закончила я начатую фразу.

– Конечно, случилось, иначе бы она не исчезла, никому ничего не сказав. Так вы... вы согласны ее найти? – поднял на меня просяще глаза Максим.

Я задумалась. Стоит ли тратить время на поиски девушки, якобы пропавшей, а возможно, исчезнувшей со своим парнем? Да может, она специально скрывается от надоевшего, влюбленного в нее зануды, и всего-то делов, а он тут пытается всех на ноги поставить. Если это так, то я ее прекрасно понимаю, сама бы так же сделала.

Хотя если подумать, то мне-то все равно, за что получать денежки: за тяжелую работу или за небольшое путешествие по городу и общение с людьми. Все, решено, берусь.

Я повернулась к парню и уверенно произнесла:

– Хорошо, я займусь вашим делом.

– Я... я вам очень благодарен! – обрадованно растянув губы в улыбке, воскликнул Мурашев. – Вы даже не представляете, насколько...

– У вас есть фотография пропавшей? – не обращая никакого внимания на восклицания парня, сразу перейдя к делу, спросила я. – Мне она будет нужна в первую очередь.

– Да, есть. Я знал, что фотографии потребуются, а потому взял несколько штук из дома, – ответил Максим и снова полез во внутренний карман, из которого недавно извлекал бумажник.

Он рылся в нем несколько минут, а потом достал оттуда три карточки размером девять на двенадцать и протянул их мне. Я взяла фотографии и принялась их рассматривать. На первой карточке была заснята компания молодых людей примерно одного возраста: три парня и четыре девушки. Естественно, что здесь выхватить взглядом нужную мне особу я не могла, не зная о ней совершенно ничего. В этом мне помог Мурашев.

– Вон та, что слева, – Оля. – Он показал на фотокарточку своим маленьким пальчиком и томно вздохнул.

Я присмотрелась к запечатленной на карточке девушке повнимательнее, но ничего особенного в ней не заметила: блондинка, вроде бы натуральная. Цвет глаз неясен из-за плохого качества фотографии. Черты лица четкие, но не слишком броские. В целом – ничего особенного. Я отложила эту карточку в сторону и перешла к другой.

На ней была заснята та же самая девушка, но уже одна и более крупным планом. Так что теперь ее можно было рассмотреть получше. Оказалось, что пропавшая все-таки очень даже ничего внешне, особенно когда собирает волосы вверх и делает прическу. Глядя же на ее губы, можно было догадаться, что натура она вовсе не хрупкая, а скорее наоборот – решительная и сильная. Такая должна быть весьма активной по жизни.

– Милое создание, – сделала я комплимент.

Максим снова зарделся и удовлетворенно, но между тем ужасно глупо заулыбался.

– Вы правда так считаете? Для меня она самая прекрасная на свете! Лучше ее никого нет.

«Ну да, конечно. Она красива, как Бэль, из мюзикла „Нотр-Дам де Пари“, – снова включился в работу мой язвительный внутренний голосок. – Только вот ты, мой хороший, на Квазимоду больше смахиваешь. Стоп! Опять ты за свое, – осадил я сама себя. – Имей хоть какое-нибудь уважение к „столь глубоким чувствам клиента“.»

И продолжила работу с фотографиями. Впрочем, на третьей карточке девушка вышла совершенно расплывчато и нечетко, так что оставалось ориентироваться на те впечатления, что сложились у меня на основе первого просмотра.

– Фотографии я пока оставлю у себя, – откладывая снимки в сторону, произнесла я. – Они мне понадобятся при поисках.

Мурашев согласно кивнул.

– И еще: мне будет нужен адрес того самого парня. Вы, кажется, сказали, что он жил вместе с Ольгой?

– Да, они проживали в одной квартире, – слотнув слюну, ответил мне Максим. – Адрес я могу написать.

Я повернулась на стуле, взяла с холодильника ручку и блокнот и протянула их Мурашеву. Пока он тщательно и аккуратно выводил буквы, я снова спросила:

– Эта квартира была единственным местом, где данный тип проживал? Или же он имеет свое собственное жилье?

– Скорее всего нет, – подняв голову, теперь уже более ровно и без заиканий ответил Мурашев. – У него, по-моему, вообще никакого жилья раньше не было. Не знаю даже, где он мог жить, пока не прицепился к Оле.

– Ясно, – кивнула я и перешла к следующим интересующим меня вопросам. – Как зовут ее парня? – первым делом спросила я.

– Этого шизофреника? Степанов Олег Юрьевич.

– Он есть на фотографиях?

– Нет, тогда они еще не были знакомы, – ответил мне Максим и собрался было вернуть листок с только что сделанными записями, но я его остановила, попросив:

– Напишите там же место работы девушки, данные о ее друзьях, подругах, родственниках. Все, что может пригодиться во время ее розыска.

– Я вас не совсем понимаю, – нелепо застыв с протянутым листом в руке, произнес Мурашев. – При чем тут подруги, если ее мог убить этот тип?

«Ты совсем тупой или прикидываешься?» – горел желанием сорваться вопрос. Но я сдержалась, понимая, что тут уже ничем не поможешь, гнилый фрукт переделу не подлежит, как говорится.

– Я должна удостовериться в том, что Оля никому не сообщала, что она куда-то собирается, и никто не видел ее где-то в городе в течение месяца, – как могла, предельно понятно объяснила я причину своей просьбы.

Теперь Мурашев меня, кажется, понял и продолжил свою писанину. У меня же появилось немного времени, чтобы отдохнуть от его глупых вопросов и собраться с мыслями. Но как раз в этот момент из соседней комнаты донесся какой-то шум. Не понять, кто является его виновником, было довольно сложно.

Естественно, я моментально ринулась в зал. А там мой малолетний постоялец, предоставленный на время самому себе, умудрился рухнуть на пол со стула. Но этот стул стоял на столе, и на нем лежал чемодан. Сия пирамида была возведена юным исследователем неизведанных пространств для того, чтобы стянуть со стоящего в комнате шкафа большую коробку. Что в ней, он пока еще не знал. Зато это знала я: там хранились несколько магазинов для моего пистолета марки «макаров», щетка для чистки ствола, а также другие вещи, предназначенные для ухода за оружием.

Я невольно охнула – не хватало только еще, чтобы этот сопляк все там перекурочил, а чего доброго, еще и стащил. «Макаров» детям не игрушка.

– Ты что это делаешь? – зло зашипела я, застыв в дверях. – Я разве тебе не ясно сказала, чтобы ты не смел трогать мои вещи?

– Да я же только посмотреть. Тебе жалко, что ли? – потирая ушибленный локоть, ответствовал паренек, все еще сидя на полу.

– Ну все, с меня хватит, – окончательно рассвирепела я от такой невоспитанности и наглости. – Иди-ка сюда, сопляк.

Я схватила висящую в прихожей на вешалке сумочку, рывком достала из нее наручники и вместе с ними направилась к мальчугану. Тот, как это ни странно, и не подумал испугаться, чем немного сбил меня с толку.

– Вот прицеплю тебя сейчас к трубе, будешь знать, – с легкой угрозой в голосе произнесла я, дабы продемонстрировать мальцу свое превосходство над ним и добиться, чтобы он хоть немного начал меня слушаться.

Но мне явно не везло с детьми! «Страшный» ход не подействовал – парень равнодушно протянул свои руки мне навстречу и предложил:

– Спорим на сотку, что я через пять минут из них вылезу?

– Не вылезешь, я их так сейчас затаю... – защелкивая наручники на тоненьких ручках мальчика, пообещала я. – Еще просить будешь, чтобы отпустила.

– Нет, а что будет, если все же вылезу? – не унимался Константин. – Что, слабо спорнуть?

– Ну, если тебе так хочется, то спорим, – попавшись на старую уловку, быстро согласилась я.

Впрочем, согласилась лишь потому, что была совершенно уверена: мальчишке с моими фирменными наручниками не справиться. Стало быть, ему это может пойти на пользу – глядишь, он и вести себя нормально научится.

– Ну вот, так-то лучше, – закончив с частичным обезвреживанием юного хулигана, удовлетворенно произнесла я. – Теперь посиди и подумай, как стоит, а как не стоит себя вести.

Затем сунула ключи от наручников себе в карман и повернулась в сторону кухни.

– Ну вы, взрослые, и глупые, – усмехнулся паренек.

Но я не обратила на его слова внимания.

– Я закончил, – все еще смущаясь от моего взгляда, произнес Мурашев. – Тут все, что мне известно. И... я записал сюда свой телефон. Так, на всякий случай.

– Великолепно! Значит, теперь вы свободны, – ответила я. – Как только что-то станет известно, я сама с вами свяжусь.

После этого я проводила Мурашева до двери, твердо заверила его, что девушка будет обязательно найдена, и этот нюня наконец-то покинул мои апартаменты. Теперь можно было вздохнуть спокойно. Нежданно-негаданно подвернулась работенка, на улице стояла прелест-

ная весенняя погодка, а тот, кто мог бы мне чем-то досадить, был прикован наручниками к батарее.

«Не выпить ли в честь этого чашечку кофе?»

Снова вернувшись на кухню, я включила висящий на стене радиоприемник, настроила его на какую-то музыкальную волну и, подпевая звучащей мелодии, занялась приготовлением ужина для себя и, как говорится, для того парня. Сегодня мой выбор пал на котлеты с картофельным пюре. Первые были уже фактически готовы, так как я предпочитала покупать полуфабрикаты, требующие лишь разогрева, а вот со вторым следовало немного повозиться.

Выбрав из ящика самые крупные картофелины, я положила их на стол, расстелила рядом газетку и, взяв в руки ножик, занялась чисткой.

– А у тебя ловко получается, – неожиданно раздалось где-то сбоку.

От неожиданности я вздрогнула и даже немного зацепила острием ножа кожу на большом пальце левой руки. Когда же повернулась, то увидела стоящего в проеме двери довольного Константина, который вертел в руках те самые наручники, которыми я его не так давно прицепила к батарее.

– Никогда не думал, что детективы умеют еще и готовить, – последовал новый комплимент в мой адрес. – Кстати, с тебя соточка? Сейчас отдашь или на твой счет записать?

– Как... как ты их открыл? – совсем даже не наигранно удивилась я.

– Как? Обычно. Отмычкой, конечно. Я ее всегда в кармане держу. Иногда менты нас с ребятами вылавливают за хулиганство, ну и... Сама понимаешь.

– Да уж, понимаю. А ты у нас, оказывается, парень разбойный, – жестом приглашая его сесть рядом, произнесла я, – но смекалистый.

Константин широко заулыбался. А я поняла, что лучше всего попробовать наладить с ним дружеские отношения, а не навязывать свое мнение и свои правила. Все равно он их не примет, а значит, будет только мешать мне заниматься своими делами. Придя к такому выводу, я доброжелательным тоном произнесла:

– Ну что ж, придется, видно, тебе и в самом деле деньги отдать. Только сначала один вопрос.

– Валяй, – бросил мне Константин.

– На что ты планируешь их потратить?

– Пока не знаю, сумма слишком маленькая, – пожал плечами, ответил мой постоялец. – Вот как накопится хотя бы с тысячу, тогда и решу. А что это у тебя только что за тип был? – перескочив с одного на другое, спросил парень.

– Клиент, – коротко бросила я, совершенно не собираясь вдаваться в подробности.

Но не тут-то было! Константин сам продолжил разговор.

– Я слышал, у него девка пропала. Полагаю, он желает, чтобы ты ее нашла, так? – глядя мне прямо в глаза, произнес он и замер в ожидании моего ответа.

– Так ты что, подслушивал? – тут же забыв о том, что я только что решила подружиться с мальчиком, и начав злиться, переспросила я.

Перспектива того, что теперь все разговоры, происходящие в моей квартире, будут известны кому-то еще, меня совсем не вдохновляла.

– Допустим. А что, нельзя? – моментально среагировал Константин и хитро прищурился.

– Нет, нельзя, – продолжила я агрессивно. – Тебе никто не давал права подслушивать мои разговоры с клиентами.

– Это его ты называешь клиентом? – засмеялся мальчик. – Лох полнейший. Да и дело его – брехня. Разве такими частные детективы занимаются?

– Тебя не касается, чем занимаются частные детективы, а чем они не занимаются, – вспыхнула я, отбросив нож в сторону. Холодная сталь загремела по поверхности стола и остановилась, оказавшись у самого края. Затем я встала и начала нервно укладывать начищенный кар-

тофель в кастрюльку с водой. – Пока ты тут живешь, будь добр, не вмешивайся в мои дела и веди себя тихо, у меня и без тебя проблем хватает. А если и услышишь что, то лучше помалкивай, тебе же лучше будет.

– Ты меня что, запугать, что ли, пытаешься? – усмехнулся Костик. – А я-то думал, мы с тобой сработаемся, я бы помочь кое в чем мог.

– Сработаемся? – удивленно повторила я и обернулась к парню. – Нет, мальчик, ты меня не понял. Частный детектив тут я. И у меня правило – всегда работать одной. Так что извини.

– А ты его нарушь!

– Кого?

– Ну правило свое. Вот увидишь, из меня хороший партнер выйдет, – уверенно произнес Константин и, гордо вскинув голову, уставился на меня в ожидании ответа.

Я не сдержалась и начала смеяться. Меня позабавила уверенность парнишки в том, что он чуть ли не супергерой, способный выполнить ту работу, которая окажется сложной даже для меня, частного детектива со стажем.

– Вижу, ты посмотрелся американских фильмов про детей-спасателей, – немного успокоившись, но все еще с усмешкой в голосе произнесла я. – Но только у нас не Америка, а потому детям положено ходить в детские сады и школы и не вмешиваться в дела взрослых.

– Фу-у-у, – сморщившись, протянул Костик.

– Да, да, в школы и детсады.

– Ну, может, все же попробуем. Вот увидишь, я не подведу, – предпринял еще одну попытку переубедить меня мальчик. – Мы вместе поищем эту пропавшую... Ну?..

Но я была непреклонна и стояла на своем. И убедить меня Константину так и не удалось.

– Почему вы, женщины, все такие нудные, – вздохнул Костик, поняв, что я ни при каких условиях не соглашусь воплотить в жизнь его бурные фантазии по поводу поимки преступников. – Был бы на твоём месте мужик, я бы с ним давно договорился.

– Увы, я не мужик, так что тебе придется заняться учебой, мальчик. Но это завтра, а пока бери вилку – и за стол.

– Слушаюсь, мамочка, – язвительно буркнул Костик. – Как скажете.

Глава 2

Новый день новой недели начался для меня очень рано, а все потому, что я теперь жила не одна, а с мужчиной. Правда, мужчине было всего десять лет, но сие вовсе не значило, что его не стоит кормить и будить по утрам. Это мы, женщины, можем ограничиться чашечкой кофе, а о нормальной пище вспомнить поздно вечером. Они же, наш сильный пол, на такие жертвы не способны.

Лично я давно заметила, что если мужчину не покормить, то он совершенно ничего не сможет делать днем: его мысли будут заняты только одним – «беседой с желудком», настойчиво требующим своей дани.

Так что, встав по будильнику в шесть часов, я нехотя доплелась до ванной, привела себя в порядок и, почувствовав некоторый прилив сил, занялась приготовлением завтрака. Нарезала колбасу, обжарила ее, затем залила яйцами. Пока все это жарилось, нарезала батон, достала из холодильника масло и поставила на плиту чайник. А потом пошла будить Константина.

Мальчик крепко спал, откинув от себя одеяло в сторону. Я остановилась возле него и несколько минут постояла.

«А ведь это довольно приятно, стоять вот так и смотреть на спящего ребенка», – подумала я. «Особенно когда он твой», – тут же добавил мой язвительный внутренний голосок.

Спорить с ним я не стала, наверное, из-за того, что на минуту во мне проснулись какие-то далеко спрятанные материнские чувства, окончательно очнуться которым, скорее всего, было не суждено. А всему виной была моя работа. Ведь если я решу завести семью, то она постоянно будет находиться в опасности. Никогда ведь не знаешь, что за преступник на очередном расследовании попадется и как он решит укротить твой гонор. Сама-то я справлюсь с ним, но вот если дело коснется любимых людей, это сделать будет намного сложнее.

Несколько раз глубоко и с грустью вздохнув, я склонилась над мальчиком и осторожно тронула его за плечо.

– Ма, отвянь, – сквозь сон непроизвольно произнес он и отвернулся.

Я слегка улыбнулась, а затем потрясла мальчика за плечо чуть сильнее.

– А?.. Что?.. – резко сев, испуганно спросил Константин.

– Подъем, горе-детектив, – ласково произнесла я. – Иначе в школу опоздаешь.

Костик потер кулаками глаза, широко зевнул и, лишь теперь очнувшись ото сна, вяло протянул:

– А, это ты.

– Вставай, вставай, – поторопила я его. – Завтрак на столе, остынет.

– Не успеет, – ответил он мне и резко встряхнулся, прогоняя сонливость.

Затем Константин свесил ноги вниз, быстро натянул штаны и отправился в ванную. Когда же появился в кухне, сказать о том, что он только что встал, было сложно. Мальчик выглядел бодрым и веселым.

Вот что значит молодость: ляжешь в пять утра, всю ночь просмотрев телик, в шесть встанешь, и по тебе даже не видно, что не выспался. А как у нас, представителей более взрослого поколения: если не проспим своих шести или хотя бы четырех часов, под глазами откуда-то сразу появляются мешки. Да и тело будет буквально ватным. Э-эх, хорошо же все-таки быть юным и полным сил.

Тяжело вздохнув, я отогнала от себя мысли о приближающейся старости и спросила:

– Когда ты вернешься из школы?

Константин поднял на меня большие ясные глаза и спросил:

– А разве мы с тобой не на работу едем? Я думал, ты за ночь передумала.

– И не надейся. В школу пойдешь, – вновь обломила я все надежды парня. – Ключи я тебе сейчас дам. Когда придешь, обязательно покушай. Не хочу, чтобы твоя сестра потом меня обвиняла в том, что я не следила за твоим здоровьем и сделала из тебя дистрофика.

– А ты? – снова спросил мальчик.

– Я не знаю, когда вернусь, так что холодильник в полном твоём распоряжении.

– А если мне что-то срочно понадобится, тогда как? – любопытствовал парнишка. – Спросить там что... ну мало ли?

– Позвонишь мне на сотовый. Да, и еще: вещи мои не брать и не разбирать. Друзей в дом не водить. Ясно?

– Естественно, не совсем же пробковый, – буркнул мне в ответ Константин.

Дальше мы завтракали уже в полной тишине. Каждый думал о своем. Я – о предстоящей работе, точнее, о том, с чего ее начать. А уж о чем думал юный «фонтан энергии и фантазий», не могу себе даже представить. Но сомневаюсь, что о чем-то хорошем. Скорее всего о взрыве школы, вскрытии почтовых ящиков или каком ином мелком хулиганстве.

Умяв яичницу с колбасой, Константин поблагодарил меня за завтрак и поплелся собирать свои школьные принадлежности. А я занялась уборкой со стола. Быстро перемыв посуду, я выдала своему квартиранту замочную связку ключей, выпроводила его за дверь и принялась одеваться.

Зная, что мне предстоит посещение места работы и друзей пропавшей девушки, я решила надеть строгий костюм, состоящий из темно-синей юбки средней длины и легкого жакета. Под последний я надела белую блузочку с красивым воротом. Волосы собрала в хвост, окрутила его у основания легким шарфом, концы которого оставила висящими. Потом пару минут посвятила нанесению макияжа и, когда отражение в зеркале меня полностью удовлетворило, направилась к выходу.

Спустившись на первый этаж, я проверила свой почтовый ящик, но не обнаружив в нем ничего, кроме надоевших бумажек с крупными надписями типа «Земной рай», «Удовольствие для всех» и иных объявлений в том же роде, вышла на улицу.

Моя бежевая «девятка» стояла у подъезда. Она была ужасно грязной, словно всю ночь на ней вспахивали поле или, по крайней мере, месили грязь.

«Надо все-таки собраться и помыть ее», – решила я, отпирая машину.

Сев за руль, я не спешила, однако, тронуться в путь, а сначала решила бросить «кости» и посмотреть, что они скажут мне на дорожку. Достав из бардачка черный мешочек с двадцатиграммниками, я немного потрясла его в руках, затем развязала шнурок и, спросив у «косточек», что день грядущий мне готовит, высыпала их к себе на колени. Выпала комбинация: 6+20+27. Она значила следующее: «Необходима осмотрительность в вашем поведении».

«Но только ли в нем?» – подумала я, складывая «кости» обратно в мешочек.

Что-то подсказывало мне, что мои верные магические помощники имели в виду гораздо большее, нежели значила расшифровка. Прислушавшись к своей интуиции, я медленно повернула голову, осматривая все, что окружало меня. И увидела, что за одним из ближайших домов что-то мелькнуло. Я напряглась.

Что бы это могло быть? Слежка? Нет, вряд ли. Пока еще я никуда не успела влипнуть, а только лишь собираюсь. Значит... Так, кажется, я знаю, что это значит.

Быстро выйдя из машины, я почти побежала к тому месту, где только что заметила нечто подозрительное. Когда же его достигла, подозрительный объект, только что за мной следивший, дал деру.

– Костик, а ну иди сюда! – крикнула я объекту, который, естественно, оказался моим временным квартирантом.

Услышав меня, Константин притормозил и, вздохнув, медленно обернулся.

– Иди, иди, – уперев руки в боки, повторила я тоном, не терпящим возражения.

– Зачем? – не двинувшись с места, спросил мальчик.

– Узнаешь, – коротко бросила я. – И давай быстрее, у меня мало времени.

– А что я сделал-то? – голосом нашкодившего мальчика промямлил Костик.

– Не пошел в школу – это раз, стал следить за мной – это два, – стала перечислять я. – А ведь я, кажется, русским языком сказала, чтобы ты так не делал.

– Подумаешь. Чего я не видел в школе-то? – недовольно забурчал мальчишка.

– По всей видимости, совсем ничего, потому что ты там не бываешь. А у тебя, между прочим, скоро экзамены.

– Ну и что. Сдам как-нибудь, – ответил Константин. Но, видя, что я ему не очень-то поверила, добавил: – Училка трояк всегда поставит. Ей ведь самой неохота со мной еще год подряд возиться.

– Ясенько с тобой все. Давай-ка садись в машину, а то я сегодня так и не займусь работой, – спокойно произнесла я и, развернувшись, сама направилась туда же.

Обрадованный тем, что его позвали с собой, мальчик радостно зачастил следом. Мы сели в мою машину, я завела ее и тронулась в путь. Константин сидел рядом молча, боясь, что я передумаю брать его с собой. Только зря старался, с собой его брать я не собиралась с самого начала, но понял он это, лишь когда мы приблизились к его школе.

– Э-э, я думал, ты... – начал было он, но я его перебила:

– Думаю тут я, а ты делаешь, что тебе скажут. Сейчас же пойдешь на занятия, и попробуй хоть одно пропусти. Я вечером позвоню в школу и проверю, как твои успехи.

– Какая ты все-таки зануда, – обиделся на меня Константин. – Я же хотел как лучше...

Затем он вылез и, громко и с раздражением захлопнув дверцу, медленно направился к дверям школы. Я дождалась, пока его фигура скроется за ними, и лишь потом поехала по своим делам.

Первым делом я планировала посетить место работы девушки и узнать, действительно ли она там не появляется, или так говорит ее горе-воздыхатель, который ее донимает. Если в самом деле окажется, что Ольга не ходит на работу, отправлюсь к ней на квартиру и поищу ее дружка-шизофреника, как назвал его Максим, и проведу с ним беседу.

Достав из сумочки записную книжку, а вместе с ней и исписанный Мурашевым листочек, я нашла адрес оптового склада, где работала девушка. Он располагался в Трубном районе, почти при въезде в город. Теперь примерный путь поездки мне был ясен, и я, повернув ключ в замке зажигания, нажала на газ.

Мимо поплыли многоэтажки с многочисленными магазинами и супермаркетами, расположенными на их первых этажах, но чем дальше я удалялась от центра города, тем меньше становилось последних. Постепенно дома стали уменьшаться, а по соседству с ними возникали обшарпанные и обветшалые здания заводов, которых в Трубном районе очень много.

«Ну и дыра, – в очередной раз подумала я об этом районе, осматриваясь. – Не желала бы я тут поселиться».

Но вот показался и нужный склад. Он был виден издали, так как над его воротами висел огромный щит с названием оптовой базы и кратким перечнем предлагаемых товаров. Я повернула машину и направила ее к воротам. Доехала до них, и тут мне пришлось притормозить – ворота оказались закрытыми.

«Тьфу, сегодня же понедельник, – вспомнила я. – А оптовки начинают работать со вторника».

И тут я заметила, что рядом с воротами имеется калитка и она-то не закрыта. Торопливо покинув машину, я вошла на территорию базы, надеясь, что мне удастся найти кого-нибудь из числа тех, кто помнит всех работающих на складе.

Попав за ограду, я оказалась в просторном дворе, окруженном множеством одинаковых будок, в настоящий момент запертых. Чуть дальше располагалось большое крытое помещение, похожее на половину диска солнца, с двумя большими створками-воротами спереди.

«Если тут вообще кто-то есть, то он скорее всего там, в ангаре», – решила я и направилась прямо к нему, как неожиданно услышала оклик:

– Девушка, вы куда?

Я обернулась. Со стороны маленькой деревянной будочки возле ворот, которую я сразу и не заметила, в мою сторону направлялся мужчина лет сорока с небольшим. Он был очень смуглым, с густыми черными волосами и усами, одет же был в сильно потертые серые брюки и рубашку, которую он расстегнул на три пуговицы, а рукава завернул до локтя.

– Оптовка сегодня не работает.

– Я знаю, – ответила я, догадываясь, что вижу сторожа.

– Тогда зачем вы зашли? – не понял меня мужчина.

– Хотела найти того, кто бы знал всех работающих на базе, – извлекая из сумочки верно служащее мне в таких случаях удостоверение работника прокуратуры. Некогда я там работала, но с тех пор много воды утекло, и «корочки», естественно, были просроченными. Правда, редко кто обращал внимание на столь незначительную деталь. Протягивая удостоверение мужчине, я произнесла: – Вы не могли бы мне помочь?

– С удовольствием бы, но сегодня тут, кроме меня, никого нет, – ответил мужчина, не поняв пока, что именно от него требуется.

И все же я заметила, что он немного заинтересовался, но стесняется спросить, чем вызван мой интерес. Решив этим воспользоваться, я спросила:

– А вы знаете многих работающих здесь?

– Не всех, только тех, кто тут давно, – ответил сторож. А потом, все же не удержавшись, добавил: – А зачем вам это?

– К нам поступило заявление о пропаже человека, – начала объяснять я. – По словам заявителя, он, точнее, она работала на вашей базе.

– Это не Туркина ли случайно? – уточнил сторож.

– Она самая, – обрадовалась я. – А вы, значит, в курсе, что она исчезла?

– Ну да, она же на работе уже месяц как не появляется. Ребята, что с ней работают, волноваться начали, никто же не знает, где она, и адреса ее нет, – ответил на мой вопрос мужчина, а потом добавил: – Стало быть, уже и родственники хватились?

– Друзья, – поправила я и сразу спросила: – Могу я задать вам несколько вопросов?

– Конечно, я не против помочь, тем более когда тут такое дело, – согласился сторож. – Так что именно вас интересует?

– Все. То есть я бы хотела, чтобы вы рассказали мне о самой девушке и ее отношениях с коллегами. Если такое возможно.

– Ой, – растерялся мужчина. – Боюсь, что тут я не силен. Я, конечно, ее знал, но не так чтобы близко. Лично мне девчушка нравилась. Веселая, с чувством юмора. Впечатление производила хорошее. Да и работала она отменно, похвалить есть за что.

– А друзей у нее много было? – спросила я.

– Настоящих – нет, а общалась она со всеми. По-настоящему же дружила только со Светкой Новоковской... Ну вот... – Сторож немного помялся, то ли раздумывая, то ли выжидая нового вопроса, а потом сам спросил: – Что-то еще?

Я задумалась. Вряд ли разговорчивый сторож в курсе, что говорила кому бы то ни было девушка. А ведь она могла проболтаться, что куда-то собиралась, что весьма важно... Стало быть, попытаться узнать хотя бы адрес ее подруги.

– А как найти сейчас эту самую Свету, вы знаете? – сразу же спросила я, не став тянуть времени зря.

– Адреса нет, а вот телефон у меня ее есть. Могу прямо сейчас позвонить и попросить, чтобы пришла сюда. Она где-то рядом тут живет, – повернувшись к своей сторожевой будке, ответил мужчина.

– Я бы была вам очень благодарна, – улыбнулась я в ответ и пошла следом за мужчиной в его рабочие хоромы.

Там оказалось очень темно. Впрочем, лишь до того момента, пока сторож не распахнул ставни и свежий воздух вместе с лучами солнца не ворвался в его каморку через оконный проем, совершенно не имеющий стекла. Теперь стала видна вся внутренняя обстановка: деревянный стол со стоявшими на нем фаянсовыми бокалами и телефоном с краю, две табуретки, маленькая полочка с журналами и электрическая плитка прямо на полу. Весьма жалкое, но одновременно с тем и обычное рабочее место сторожа.

– Вы пока садитесь, – обратился ко мне хозяин будки, пододвигая к себе телефон. – Я быстро.

Я приняла приглашение и, сев на один из стульев, прислушалась. Мужчина быстро набрал нужный номер, прослушал длинные гудки, а когда трубку сняли, сказал:

– Светочка, это ты?.. Вот и хорошо. Дело к тебе есть, нужно, чтоб ты прямо сейчас на базу пришла. Сможешь? Потом все объясню.

В трубке, по всей видимости, недовольно заворчали, так как сторож начал злиться. Дождавшись, когда собеседница замолчит, он раздраженно произнес:

– Так знаю я твои проблемы, всегда одно и то же. Давай быстро сюда и не приставай, по телефону ничего не скажу. Все, пять минут на сборы, – и он повесил трубку. – Ну и нудный же народ эти бабы, – искренне вздохнул он и тут же осекся: – Ой, извините, я не о вас.

– Ничего, ничего, я с вами почти согласна, – успокоила я мужчину.

Мы оба замолчали, в каморке повисла неловкая пауза.

– Ну, это самое... – первым нарушил ее сторож. – Скоро приедет. Хотите, я вам пока чаю сделаю.

– Нет, спасибо, – отказалась я, немного брезгуя пить из посуды, не известно когда и как мытой. Лучше от жажды умереть, чем согласиться на такое издевательство над собственным желудком.

– Тогда, может, выйдем на улицу? – снова предложил мужчина.

На этот раз я согласилась, и мы покинули тесную каморку. Оказавшись на улице, встали под дерево и стали поджидать подругу Туркиной. Ждать почти не пришлось: я не успела сигарету выкурить, как девушка пришла и сразу же накинулась на сторожа:

– Какого черта ты меня сегодня вызвал, Петрович? У меня законный выходной. Из-за тебя вот пришлось детей одних оставить. И я не выспалась.

– Не ворчи, сказал же, нужна. Вот, – он указал на меня, – человек из милиции, с тобой поговорить хочет.

– Со мной, почему? – немного испугалась девушка. – Я ничего не делала, ни в чем не виновата, это все подтвердят.

Она была довольно пухленькой, с тонкими бледно-розовыми губами, маленьким носиком, почти не имеющим переносицы, светлыми глазами и темными волосами. Одета же девушка была наспех, о чем говорила ее не до конца заправленная в джинсы кофточка. Лет ей было не более двадцати, по крайней мере, мне так показалось.

– Да не волнуйся ты так, – успокоил ее мужчина. – Это относительно Ольги. Говорят, она пропала.

– Куда? – глупо спросила девушка.

– Вот это мы и пытаемся выяснить, – теперь уже произнесла я. – Вы были ее подругой?

– Ну да, а что?.. Я тоже не знаю, куда она делась.

– Но вы можете знать, куда она собиралась, – сказала я, а потом попросила: – Вспомните, пожалуйста, не говорила ли Ольга о том, что в ближайшее время куда-то хочет отправиться, к родственникам там или по гостям?

– Нет, она вообще личную жизнь ни с кем не обсуждала. Говорила только о работе, ну и о тряпках, – откинув упавшую на лицо челку, ответила девушка. – Я даже парня ее никогда не видела.

– Но вы о нем знали? – уточнила я.

– Слышала. Кто-то говорил, что он однажды заходил за ней вечером. Сказали, что на гориллу похож, но я не расспрашивала. Это ее дело, с кем встречаться.

«Ну и подружки пошли, – подумала я про себя. – Ничего друг о друге не знают. Вот и доверяй им потом».

– А дома вы у нее когда-нибудь были? – пока еще не зная, для чего, на всякий случай спросила я.

– Нет. Мы слишком далеко друг от друга живем. Она, конечно, приглашала, но у меня дети, один грудной, поэтому я после работы сразу до дому, – объяснила мне девушка, отвечая на вопрос. Затем, уже от себя, добавила: – Куда Ольга могла пропасть, я понятия не имею. Когда на работе не появилась, я несколько раз послала к ней ребят здешних, они сказали, что там все заперто. Честно сказать, мы тут решили, что она просто уехала.

– Вот-вот, – согласился сторож, – все так и подумали.

– А вам не известно что-нибудь о ее родственниках? – вспомнив о том, что мой заказчик совершенно ничего не знал о родителях и самых близких людях своей любимой девушки, спросила я.

– Да тут и знать нечего, – отозвалась подруга. – Мать у нее давно умерла, отца не было вовсе, то есть она его не знала, других родственников в Тарасове, по всей видимости, тоже не было.

– Короче, сирота, – сделала я вывод.

– Вроде того, – согласилась Новоковская. Потом немного помялась и сказала: – Если это все, я пойду, у меня дети одни остались.

– Да, конечно, спасибо, – кивнула в ответ я, и мы попрощались.

Потом я поблагодарила сторожа за оказанное содействие и направилась назад в свою машину. Сев за руль и закурив, я задумалась.

Похоже, что девушка действительно пропала. А не хватились ее раньше только потому, что родственников она не имеет. Да и друзья тоже, как я посмотрю, не особо близкие, к тому же у них своих забот хватает. Придется поискать ее парня, шизофреника этого, как его назвал мой мямля-клиент.

Я снова заглянула в записку Мурашева и, напомним себе адрес местожительства девушки, тронулась с места. Ехать пришлось долго, аж до Фрунзенского района. Хотя длительность пути зависела даже не от дальности места нахождения дома девушки от ее работы, а от пробок, заполонивших все центральные улицы. Эти милые столпотворения машин поджидают каждого водителя авто, который намеревается воспользоваться собственным средством передвижения в час пик, то бишь с восьми до десяти часов утра. Всегда об этом помня, я, конечно, решила схитрить и подъехала в объезд, минуя сложные, чреватые пробками участки пути, так что вышла у меня очень даже дальняя дорожка.

Наконец дом девушки появился на горизонте. Это была старая деревянная постройка в три этажа, с очень высокими, разделенными на множество отсеков окнами. Последние, подчиняясь последней общераспространенной моде, были забраны решетками.

«Вот ведь как не повезло в наше время мелким воришкам и грабителям квартир, – подумала я. – Раньше-то что, вырезал дыру стеклорезом – и хата в твоём распоряжении. Однако это не главный отрицательный фактор для современного вора. Куда более тарасовские мошенники

страдают оттого, что теперь трудно понять, в какой квартире что-то ценное есть, а в какой нет. Ведь у нас почти у каждого на окнах его каморки решетки появились».

Выбрав удобное местечко для парковки машины, я остановилась так, чтобы моя верная «девяточка» все время находилась в тени и не перегрелась от яркого и никого не щадящего весеннего солнышка. Лишь потом пошла к дому.

У нужного мне подъезда я наступила на хвост кошке – не специально, конечно, просто так получилось. Испугавшись, наверное, даже больше кошки, поднявшей жуткий визг, я вынуждена была несколько минут постоять на месте, приводя свое дыхание в норму, и только затем начала подниматься на третий этаж. Квартира Туркиной должна была располагаться именно там. На площадке я осмотрелась: третья дверь слева была именно ее.

Понадеявшись на то, что дома все же кто-то есть и девушка просто скрывается от Мурашева, а на работу не выходит из-за того, что нашла новую, я настойчиво постучала в дверь. Пришлось именно стучать, так как звонка я возле двери не обнаружила. Ни через минуту, ни через две мне никто не открыл. Я повторила стук, теперь уже кулаком, и прижалась к двери ухом, внимательно прислушиваясь, стараясь уловить хоть какое-то движение за ней. В квартире было тихо, как в гробу, извините за немножечко грубое выражение.

«Стало быть, там никого нет, – решила я. – Значит, придется в очередной раз нарушить закон и попасть внутрь без разрешения хозяев. А куда деваться? Кто не рискует, тот и не пьет шампанское».

Открыв свою сумочку, с которой я практически никогда не расстаюсь, я порылась в ней в поисках отмычки. Но тут снизу послышались шаги.

«Черт, кого еще несет в эту халупу? – разозлилась я. – Вечно так, только что-то серьезное и важное затеешь, так непременно кто-то вмешается и все испортит».

Вернув найденную отмычку на место, я быстро достала из сумочки зеркальце, губную помаду и занялась наведением марафета. Нужно же было как-то избавить себя от косых взглядов и лишних вопросов типа: «Девушка, а кого вам надо? А что вы тут делаете?»

На этаж поднялся приятный по виду парень чуть старше меня и с интересом уставился в мою сторону. Я представила себе, за кого он мог меня принять, а потому улыбаться не стала, чтобы не вызвать у него мысли начать ко мне приставать. Но это не помогло, и парень все же воскликнул:

– Ух ты, какие красотки, оказывается, у нас живут. Я и не знал. Может, познакомимся, крошка?

– Катись, куда шел, – коротко ответила я ему и демонстративно отвернулась, продолжая заниматься своей внешностью.

– Ну зачем же так грубо, – не желал отвязываться парень. – Я к тебе, можно сказать, со всей душой, а ты... Нет, нехорошо это как-то. Кстати, у меня есть классное шампанское и бутылка пятизвездочного коньяка. Может, все же зайдешь?

– Нет, – все тем же тоном ответила я. – А вот если ты сейчас никуда не зайдешь, тебе придется туго. Намек ясен?

– Что, парня ждешь, что ли? – обиженно спросил приставуший абориген. – Ну так бы сразу и сказала. Лады, я не в обиде. А ты все же подумай, я дома буду. Если не придет, стучи.

– Непременно, – пообещала я, только бы отвязаться от этого типа.

Казанова скрылся наконец за дверью своей квартиры, и я вернулась к прежней затее. Только теперь первым делом вынула изо рта жевательную резинку и прилепила ее на «глазок» двери парня, так, на всякий случай, чтобы не подглядывал. Затем выждала пару минут, не надумает ли он выйти или выглянуть, а потом занялась открыванием дверного замка нужной мне квартиры с помощью имевшихся в моем арсенале отмычек.

Делать мне это приходилось не раз, так что и сегодня справилась с работой на раз-два. Буквально через пару минут замок поддался моим умелым рукам, и дверь распахнулась. Я торопливо вошла внутрь и быстро захлопнула ее за собой.

Когда же глянула на интерьер квартиры, то едва не вскрикнула: в помещении царил полный погром. Было ясно, что до меня тут побывал кто-то очень решительный, и он разнес все, что только было можно разнести. Причем не украл, а именно разбил и раскурочил, так как и видеомэгафон, хоть и старенький, и телевизор, и прочие вещи, вполне способные привлечь внимание квартирного воришки, имелись в наличии, но валялись на полу с торчащими наружу внутренностями. Столы и стулья были перевернуты, диван вспорот и выпотрошен, картины, некогда висевшие на стенах, изрезаны на куски и сброшены вниз. Посуда, соответственно, побита.

Нетронутыми остались только стекла на окнах, да и то, наверное, потому, что если их бить, то грохот обратил бы на себя внимание людей на улице. Но зато над шторами «доброжелатели» потрудились: не просто изодрали их в клочья, но и местами прожгли.

Я прошла в центр комнаты и осмотрелась пристальнее. До того, как был учинен разгром, в квартире должно было быть довольно мило, хоть и бедновато. Даже при теперешнем бардаке было заметно, что вещи хозяева подбирали по какому-то определенному признаку, правда, неясно, по какому именно.

«Интересно, кто бы все это мог сделать? – спросила я сама себя и задумалась. – Да, в общем, кто угодно. Те, кому Ольга или ее кавалер насолили, кого обидели, унизили. Сейчас такое время, что за любой мелкий грешок на тебя сразу бочку катят. И ведь что интересно, дверь-то не выломана, а заперта нормально, значит, с ключами бандиты явились. Хотя, может, и не с ключами, а с отмычками, как я. Так что, вполне возможно, что исчезновение хозяев связано с этим самым погромом. Они испугались чего-то и на время спрятались».

Размышляя над тем, что тут могло произойти, я присела на корточки и подняла с полу несколько исписанных листов. На них мелким размашистым почерком были накорябаны стихи. Я пробежала их глазами, и по спине у меня побежали мурашки.

Основной смысл стихов заключался в том, что их автор – ангел смерти, он же зверь. Главное для него – это кровь, в которой он чувствует убежище от злого мира. А в будущем он будет богом на Земле.

«Ничего себе поэзия. Почитай такую на сон грядущий – либо не проснешься, либо больше уже и не уснешь никогда. Да, похоже, Ольгин парень и в самом деле был слегка того, шизанутым», – сделала я единственный логический вывод.

Я подняла с пола обрывки того, что некогда было картиной, и стала складывать их в одно целое. Итоговый результат также оказался поражающим. Полотно изображало совершенно обнаженную женщину, раскинувшуюся на полу во весь рост, а из чрева вылезает змея и выдирает у нее же кусок плоти с бедра. С этого куска вниз стекает густая мерзкая кровь, в которой возьтятся какие-то неописуемые червяки-мутанты.

Меня невольно передернуло. И было от чего. Мало того, что от собранной мной мозаики веяло кошмаром, так еще я обнаружила, что в роли натурщицы для сего полотна выступала сама хозяйка дома, Ольга Туркина. По всей видимости, она была такой же шизанутой, как и ее парень, если позволяла писать с себя такое, да еще и вешала готовые шедевры на стену. Лично я убила бы того, кто попытался бы изобразить меня в подобном виде.

И все же я принялась искать по дому другие картины или рисунки парня. Мне хотелось убедиться, что все его работы выполнены в столь странном жестоком жанре. Могло ведь оказаться, что найденная и собранная мной такая картина не единственная.

В общем я пошарила по комнате, и мне в руки попались и другие рисунки с аналогичными сюжетами. На них, так же как и на первой увиденной мной картине, были изображены женщины, самые разные: от совсем юных до старух. И все они были истерзаны автором самым

отвратительнейшим образом: у кого-то из своих героинь художник вырвал язык, кому выколол глаз, кого оставил без ног, с кого содрал кожу, обнажив скелет. В общем, «фантазировал» он на своих полотнах на полную катушку.

«Да, он, похоже, и в самом деле со сдвигом, – сделала я вывод. – Таких в психушке надо держать, под самым строгим надзором. Лично я не верю, что человек со столь явными зверскими наклонностями способен быть добрым и любящим. Значит, очень даже возможно, что Мурашев был прав и этот мерзкий Степанов убил Ольгу. Вон ведь какие у него стихи: все о трупах да об убийствах. Есть также и об ощущениях наркомана, так что я не удивлюсь, если окажется, что он еще и кололся. В таком случае легко объяснить и погром в квартире. Ведь что только не приходит в головы наркоманам после очередной дозы. Они убьют – и глазом не моргнут, а потом и помнить о том, что сделали, не будут».

Если все так, как я думаю, то действие развивалось по следующему сценарию: этот шизофреник накололся, убил свою девушку, а потом, когда действие наркотика прошло, понял, что натворил, и сразу спрятал труп, сам с квартиры съехал, а погром учинил для видимости, чтобы на него не подумали. Да, скорее всего, именно так все и было.

Не зная точно, употреблял ли сдвинутый художник в каком бы то ни было виде наркотика, я решила поискать подтверждения своей мысли, то бишь шприцы, пакетики от кокаина и прочие причиндалы наркомана. А так как подобные вещи, как правило, выбрасываются в мусорное ведро, то именно к нему я и направилась.

Вывалив содержимое бачка прямо на пол, на котором и без того «добра» хватало, я, совершенно не брезгуя, стала копаться в мусоре. Мысли о том, что это противно и антигигиенично, меня сейчас не посещали, так как куда сильнее была заинтересованность в продвижении дела вперед.

Перерыв все отходы, я так ничего из искомого и не нашла, но это еще ничего не значило. Шприцы могли выбрасываться и совершенно в другое место. А если наркотик курили или нюхали, так пакеты от него могли смывать в унитаз.

Отряхнув руки от налипшей на них мерзости, я встала, включила воду и принялась их тщательно отмывать. Хорошо еще, что мыло сразу попало на глаза и не пришлось искать еще и его. Вскоре мои кисти приобрели прежний вид, я избавилась и от мусорного запаха, а значит, можно было продолжать осмотр квартиры.

Покинув маленькую кухню, я вернулась назад в комнату и начала поднимать все бумаги, какие только попадались на глаза. Для того чтобы начать искать Степанова, мне необходима была хотя бы одна его фотография, именно ее я и пыталась обнаружить.

Как назло, с фотографиями у парочки было туговато. Только спустя двадцать минут я наконец выудила из хлама одну-единственную карточку, на которой были засняты те, кто мне был нужен, – Ольга и ее кавалер Олег. Личность последнего я установила мгновенно, так как он и в самом деле производил впечатление заросшего бомжа-шизофреника, как сказал мой клиент, или, как выразилась подруга Туркиной, гориллы.

Так вот, дружок Ольги имел длинные, немного волнистые светлые волосы, которые, похоже, столь редко подвергались мытью, что даже на вид стали сальными и мерзкими. Бритвенных принадлежностей у немывтого субъекта здесь явно не наблюдалось, учитывая те заросли, что имели место быть на его подбородке. Нет, большой бороды там еще пока не образовалось, всего лишь щетина, делающая парня похожим на зэка. Что же касается одежды, то тут все было, в общем-то, как и у всех вольных художников: широкая клетчатая рубашка навыпуск, а также потертые и забрызганные краской джинсы.

Я несколько минут внимательно рассматривала фотографию и, придя наконец к выводу, что данный тип мне определенно не нравится, но запомнить его внешность необходимо, сунула снимок в свою сумочку. Потом бросила беглый взгляд на ящик стола и увидела там какой-то старый, слегка пожелтевший от времени конверт. Вытащив его, я прочла адрес: деревня

Поклеповка, Тарасовская область. Имя адресата не указывалось. Решив на досуге почитать письмо, я отправила его вслед за карточкой в сумку. Затем еще раз прошла по комнате и, не найдя в ней более ничего интересного, приняла решение покинуть жилище.

Подойдя к входной двери, я первым делом глянула в «глазок», чтобы удостовериться в том, что на лестничной площадке никого нет. Выходить вот так нагло из чужой квартиры было довольно опасно, народ сейчас злой, моментально заложат.

В поле моего зрения ничего подозрительного не обнаружилось, и я, осторожно приоткрыв дверь, стала выходить. Но тут услышала скрип другой двери, где-то сбоку, и торопливо захлопнула свою. На площадку кто-то вышел и зашелестел пакетами. Я замерла, боясь издать лишний звук и привлечь внимание.

Шелест пакетов постепенно удалился, сопровождаемый громким цоканьем каблучков по лестнице. «Слава богу, пронесло», – облегченно вздохнула я и вновь приоткрыла дверь.

На сей раз мне удалось покинуть квартиру Туркиной. Заперев ее отмычкой, я убрала последнюю в сумочку и стала спускаться вниз. На улице, за время моего пребывания в квартире Ольги, стало заметно теплее, так что я даже скинула с себя жакет и повесила его на руку.

Дойдя до машины, я села в нее и задумалась. Теперь мне предстояло решить, где искать художника Степанова, а это, если он и в самом деле скрывается, довольно сложно. Имей парень свое собственное жилье, я бы могла «пробить» его через Кирьянова, моего давнего доброго милицейского друга, но Мурашев заверил меня, что у парня таковое отсутствует.

«Интересно, где он может скрываться? Особенно если убийство девушки – дело его рук... У друзей? Возможно. Тогда как можно найти их? Стоп, а что, если поговорить с соседями?... Должны же они были видеть тех, кто приходил в гости к Ольге и Олегу. Хорошо, что я еще не отъехала от дома, стоит вернуться».

Решив попытаться выудить у соседей хоть какую-нибудь информацию о том, с кем общались странный художник и его подружка, я снова покинула свою бежевую «девятку» и направилась в знакомый уже подъезд. Поднявшись на последний этаж, постучала в дверь, за которой не так давно скрылся пристававший ко мне молодой человек. Я решила, что он мог хорошо знать соседей, общаться со Степановым, ведь в возрасте у них большой разницы не было.

Дверь открылась почти сразу.

– О, долго же вы думали! – растянувшись в приветливой улыбке, воскликнул парень.

Он уже успел переоблечься в домашние одежды: темно-зеленый спортивный костюм и мягкие, того же цвета тапочки. Волосы его были намочены, лицо чисто выбрито, что указывало на недавнее посещение душа. Я присмотрелась к мужчине повнимательнее и отметила для себя, что с бородкой ему было бы лучше, так как она бы скрыла его слишком женственный подбородок, совершенно не сочетающийся с глубоко посаженными, красивыми глазами и черными бровями.

– Ну проходите, – предложил хозяин квартиры. – А то я вас уже заждался.

Я решительно прошла внутрь и без стеснения, сев в кресло, спросила:

– Могу я задать вам несколько вопросов?

– Не успели прийти, а сразу с вопросов начинаете. Нехорошо это. Давайте лучше сначала чего-нибудь выпьем, а уж потом и поговорим. Кстати, меня Валерой звать.

– Очень приятно, я – Татьяна Александровна. Только пить не буду, поскольку нахожусь на работе, – спокойно ответила я и протянула парню все то же, незаменимое в большинстве случаев, удостоверение.

– Ах, вон оно что, – быстро смекнул парень, мельком взглянув на «корочки». – Видно, что-то случилось в нашем доме.

– Вы угадали, – убирая удостоверение в сумку, ответила я. – Пропал человек. А именно, Туркина Ольга Алексеевна. Она вам знакома?

– Да, это моя соседка, – кивнул парень, присаживаясь напротив. – А когда она пропала?

– Примерно месяц назад. А разве вы не обратили внимания, что ее давно не видно? – поинтересовалась я.

– Да нет, я ее и раньше редко видел, мне до соседей дела нет, – признался хозяин квартиры.

– А ее сожителя вы знали? – продолжила я.

– Олега? Конечно, курили с ним иногда на площадке.

– Он тоже пропал, – без лишних подробностей ответила я.

– Да, – искренне удивился парень и даже почесал затылок. – Как же так-то?

– Да уж не знаю как, но только мне их теперь найти поручено, – ответила я. – И вы бы могли мне в этом помочь.

– Я? Но чем? – не понял меня собеседник. – Я им другом не был.

– Но вы ведь не были и слепым, – перебила я. – Должны были видеть, кто приходит в гости, с кем общаются ваши соседи. Или я не права?

– Ну не то чтобы совсем не правы, – замялся парень, потирая свой длинный прямой нос, – просто... Если я кого-то и видел, я же ничего о них не знаю. Ну, могу описать, как выглядели, но что это даст?..

– Ну, уж это-то решать мне, – ответила ему я. – Давайте сделаем так: вы мне сначала расскажете о самом Олеге, о том, какое он производил впечатление, как себя вел, а потом уже «пробежимся» по друзьям, если потребуется, – предложила я.

– Хорошо, – согласился парень. – Значит, рассказать об Олеге?

Я кивнула.

– Ну что я могу о нем сказать, талантливый человек.

– То, что он пишет стихи и рисует, вы называете талантом? – не смогла не заметить я.

– Да, а что тут такого? – удивился мой собеседник. – Ну, жесткие у него работы, так ведь все с каким-то тайным смыслом, их еще понять надо. А техника, так она у него и вовсе превосходная. Смотришь на полотна, и кажется, что они живые.

– Ладно, технику пока оставим. Вы мне про него самого расскажите, про его характер, – попросила я.

– Обычный характер. Человек он тихий, спокойный.

«Ага, все они, шизофреники, такие, тихие и незаметные, – подумала я. – Потому от них никто и не ожидает, что они убить способны. Только меня-то не обманешь. В тихом омуте как раз черти-то и водятся».

– Чтоб ругался когда, лично я не слышал, – продолжал свой рассказ Валера. – С соседями всегда здоровался. Начитанный очень, всегда можно было о чем-то поговорить, когда курили. С Ольгой он давно жил, иногда, правда, они ссорились. Но это у кого не бывает.

«Ага, вот уже кое-что, – обрадовалась я. – Раз ссорились, значит, он мог и бить девушку. Вот и предрасположенность к убийству проявляется. Все начинается с мелочей, это всем известно. Недаром восточные мудрецы говорили: „Вор, укравший сегодня яичко, завтра выкрадет и петуха“. Так и тут: сначала покричит, потом ударит, а уж затем и убьет».

– А когда происходили ссоры между Ольгой и Олегом, вы не замечали потом на девушке следов избиения? – решив подтвердить свои подозрения, спросила я.

– Так чтобы явных, на лице и открытых участках кожи, – нет, – честно ответил Валера. А потом от себя добавил: – А там кто знает.

«Похоже, вероятность насилия все же есть. Даже сосед уверенно не может сказать, что Степанов не бил Ольгу. Идем дальше».

– Со Степановым мне все более или менее ясно. А что вы можете сказать об Ольге? – спросила я, подумав, что могу получить еще неизвестную мне информацию и о ней. К тому же парень совершенно не был против отвечать на мои вопросы, что являлось довольно большой редкостью. – Были ли у нее подруги, друзья?

– Точно не знаю, но, скорее всего, нет. А если и были, то домой к себе она их не водила. По крайней мере, я не видел, – стал разъяснять Валера. – К тому же, в отличие от Олега, Ольга какая-то замкнутая была, с соседями никогда не общалась. Скажет сухое «здравствуйте» – и нет ее. По-моему, друзья ходили в основном к нему.

– Вот с этого момента поподробнее, пожалуйста, – напряглась я. – Как они выглядели, что вы о них знаете?

– Выглядели либо как и он сам, ну, сразу видно было, что такие же художники. Либо как гоблины.

– Что вы имеете в виду? – мгновенно отреагировала я.

– Ну, одевались они, как парни из крутых блокбастеров. К таким не полезешь, потому как у них на лице написано: «Не подходи, трупом станешь». Не знаю уж, как Олег с такими водиться мог. Хотя, – Валера почесал за ухом, – скорее всего, они ему картины заказывали, при деньгах ведь все.

– Где найти кого-нибудь из них, знаете? – на всякий случай спросила я.

– Нет, конечно, – улыбнулся в ответ парень. – Больше я ничего не знаю. – Потом на минуту замер и предложил: – Может, хоть чаем вас угостить?

– Нет, спасибо, я тороплюсь, – вставая, произнесла я, чувствуя, что парень исчерпал свой запас полезности.

Глава 3

Покинув квартиру Валеры, я, конечно же, вернулась в свою машину и снова принялась за свое любимое занятие – начала думать. Теперь, кстати, уже было о чем.

Во-первых, я узнала, что ссоры между девушкой и ее парнем были, что художник производил впечатление спокойного и безобидного, что на самом деле вряд ли могло быть правдой. Я лично видела работы парня и по ним, как человек, не слабо разбирающийся в психологии, могу уверенно сказать, что с психикой у их автора, несомненно, не все в порядке.

Также мне стал известен примерный контингент гостей и посетителей данной квартиры. Он состоял в основном из таких же художников и заказчиков картин, вроде бы богатых дяденек. Уже одного этого достаточно, чтобы действительно допустить вероятность того, что Степанов и совершил убийство своей собственной девушки.

«Так, попробуем прикинуть, где может сейчас скрываться наш тихий убийца. Насколько я могу судить о нем по сложившемуся у меня в голове словесному портрету, парень относится к тому типу, что предпочтет всю жизнь прятаться по подвалам и свалкам, нежели просто покинуть город или, на худой конец, прийти в милицию и во всем признаться. Следовательно, искать его нужно у таких же художников, как и он сам».

Прикинув, кто из моих друзей и знакомых наиболее вхож в тарасовский богемный мир, я достала сотовый и стала набирать номер Гарика Папазяна.

Гарик был одним из старейших моих знакомых. Он работал в милиции и знал обо всем и обо всех в городе. Даже другу моему Кире – подполковнику Кирьянову – порой не удавалось добывать такую информацию, какую в два счета мог накопать Папазян. За это я его и любила. По-дружески, конечно, хотя он наверняка хотел, чтобы все было немного иначе. Увы, его пылкие признания в свой адрес воспринимать серьезно я не была намерена.

– Гарик, здравствуй, это Татьяна, – услышав какое-то бубнение, сразу сказала я. – Ты сейчас не слишком занят?

– Для тебя, Танюша, я всегда свободен, пора бы это уже и запомнить, – тут же радостно откликнулся Папазян, круто сменив тон, – что, опять какое-нибудь дельце провернуть надо?

– Угадал, – призналась я. – Сможешь?

– Ну разве что за определенное вознаграждение, – хитрым голосом пропел в трубку Папазян.

Прекрасно понимая, куда он клонит, я все же сделала вид, что ничего не понимаю, и наигранно кокетливо сказала:

– Ну, несомненно, бутылка коньяка с меня.

– А что к ней будет прилагаться еще? – не унимался Гарик.

– Конфеты, конечно, – вздохнув, ответила я.

– Это несерьезно, Таня-джан, – тут же заговорил с армянским акцентом Папазян, появление которого было первым признаком того, что он обижен. Пришлось смилостивиться над бедным мальчиком и пообещать:

– Хорошо, если все получится, обещаю, что коньяк доставлю лично.

– И выпьешь со мной.

– И выпью, – вынуждена была согласиться я.

– И станцуеть, – разошелся Папазян.

– Так и быть, попробую.

– Ну вот, так бы и сразу. Так что там тебе требуется? – более радостным голосом спросил Гарик.

– Мне нужно узнать места, в которых обычно собираются художники низкого уровня. То есть такие, которые пишут не нормальные картины, а всякое там безобразие, называемое ими искусством.

– Кхе, кхе, вот так задачка... – моментально стал серьезным Папазян. Но потом, видно, вспомнил об обещанном вознаграждении и пообещал: – Хорошо, постараюсь что-нибудь нарыть.

– Сегодня сможешь?

– А я когда-нибудь работу на завтра откладывал? – переспросил Папазян.

– Нет, – согласилась я. – Значит, позвонишь, как что-то будет?

– Угу, – согласился Папазян и повесил трубку.

Я же, еще немного подумав, решила пока заглянуть домой и проверить, что там делает мой сообразительный жилец. Он должен был уже вернуться из школы, учитывая то, что уроков у него сегодня немного.

Добравшись до дома довольно быстро, я остановила машину под своими окнами, вышла из нее и решила, что, как только перекушу, сразу же помою ее. Затем поднялась наверх, открыла дверь своими ключами и с некоторым волнением прошла в квартиру. Мне повезло, там пока все было на своих местах, а квартирант еще отсутствовал.

Совершенно успокоившись, я завернула в кухню и уже там обнаружила, что Константин таки забежал домой. В раковину была свалена грязная посуда, а на столе остались хлебные крошки.

«Значит, не голодный», – успокоила я себя и занялась приготовлением обеда для себя, любимой. Достала из холодильника пакет с пельменями, вскипятила воду и вывалила их в нее. Пока пельмешки готовились, перемыла то, что заполняло раковину, а потом села есть.

Завершив трапезу чашечкой любимого кофе с сигаретой, я несколько минут просто посидела у окна, давая возможность пище хоть немного рассосаться и перевариться. Когда же почувствовала, что еще немного, и начну дремать, отправилась на улицу мыть машину. С собой я прихватила ведро с водой и мягкую губку.

Дойдя до машины, я поставила ведро на землю, намочила губку и полезла в салон, чтобы все протереть. Закончив внутри, стала мыть машину снаружи. Под моими ловкими руками моя «девяточка» быстро принимала прежний вид и начала блестеть. Когда же работа подошла к завершению, в кармане ожила трубка сотового. Я глянула на дисплей, где определился номер звонившего, и произнесла:

– Да, Гарик, я тебя слушаю. Ну так как, сумел что-то найти? – поторопила я приятеля, чтобы он не тратил время на расшаркивания, а сразу переходил к делу.

– Да, есть несколько домов, где собираются любители всякой там абстрактной живописи, – откликнулся Гарик. – Бери бумагу, продиктую адреса.

Я торопливо вынула из сумочки блокнот, раскрыла его на первой попавшейся странице и, стасив зубами колпачок с ручки, бросила в трубку:

– Диктуй.

Папазян назвал несколько адресов, где устраиваются сборы таких художников, заметил также, что по одному адресу прямо сейчас происходит сходка. Я записала все необходимое, поблагодарила Гарика, заверив в том, что о своем обещании помню, и отключила телефон. Теперь можно было продолжать поиски девушки и ее парня.

Выплеснув из ведра оставшуюся воду прямо в цветочницу, я отнесла свои предметы труда домой. Тщательно вымыла руки, поправила прическу и заторопилась на выход. Когда я садилась в машину, со стороны дороги появился знакомый силуэт – Константин. Он развлекал своим рассказом компанию девчонок. Я завела свою «девяточку» и, проезжая мимо квартиранта, хитро подмигнула ему.

* * *

Небольшой старинный домик с высоким деревянным крыльцом и резными ставнями на окнах ярко освещался весенним солнышком. Стоящие рядом с ним деревья, на которых уже появились первые зеленые листочки, придавали дому живописный вид. Именно в таких домах раньше устраивались литературные вечера. И именно здесь, как сказал мне Папазян, должны сейчас присутствовать художники фантастического и абстракционистского жанра. Хотелось надеяться, что это и в самом деле так.

Еще раз окинув дом изучающим взглядом, я вошла в распахнутые ворота и стала подниматься по лестнице наверх. Дойдя до двери, я сначала поискала звонок, но, не обнаружив его, просто постучала.

Через пару минут из-за двери появился пожилой мужчина с совершенно седыми волосами, собранными сзади в хвостик. Он был плохо выбрит, а ведь при уходе за собой мог выглядеть совсем даже неплохо. Глаза у него были голубыми и очень маленькими, а вот брови, наоборот, чересчур густыми и нависающими над глазами. Нос у мужчины был прямой, губы четкими и красивыми.

Увидев меня, мужчина удивился и спросил:

– А вы по какому поводу?

– Тут проходит сбор художников? – первым делом уточнила я.

– Да, – кивнул мне мужчина. – А вы что, из их числа?

– Не совсем, – отозвалась я и сунула ему свое удостоверение. – Можно войти?

При виде «корочек» мужчина сильно испугался и забегал глазками, боясь спросить, что мне нужно.

– Так я могу войти? – повторила я свой вопрос.

– Только после того, как назовете причину, – наконец решившись, произнес он.

– Я ищу одного художника, – не желая вдаваться в подробности, коротко ответила я.

– Кого именно? – еще больше забегал глазками мужчина. – Назовите, я вам так скажу, здесь ли он.

– Мне нужен Степанов Олег, – мало надеясь на то, что он честно признается, здесь ли нужный мне художник, все же ответила я.

– Он не приходил, – довольно спокойно произнес мужчина.

Но от меня не ускользнула промелькнувшая в его глазах искорка страха. Стало быть, он врет.

– Ну раз его тут нет, то вы, конечно, позвольте мне пройти и убедиться в этом самой. Ведь бояться вам совершенно нечего, – не отводя взгляда, продолжала я.

Теперь выглянувший из дома на мой стук мужчина занервничал более заметно. У него даже немного затряслись руки, а на шее стала нервно подергиваться вена.

– Вы мне не верите? – предпринял он очередную попытку избежать личного досмотра мной помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.